

* * *

С непонятным упорством,
с каким повторяются сны,
Находя себе повод, порой,
самый странный и праздный,
В голове, точно снимок,
опять проявляется мысль:
До чего всё же птица летящая —
крестообразна...

С каждым разом всё резче,
когда закрываю глаза,
Входит образ в сознание,
чтоб там навсегда закрепиться:
Пустотой и свободой
надрывно зовут небеса,
Человечек ложится на крест —
и становится птицей.

* * *

Мы в этой жизни — босяки,
Что в дорогом ресторане
Бравады ради, ради шутки

Наказали разных блюд.
Не расплатиться: медяки
У каждого из нас в кармане.

Не подавай им вид, что жутко.
Держись ровнее — счёт несут.

* * *

Пахнет остро дождями
растрёпанный пьяный шиповник.
И медовая сладость мешается
с горечью в нём:
Время пьёт наши жизни,
как в баре мы пьём
свой джин-тоник,
И уносит бармен
опустевшие рюмки имён.

Даже в самом надёжном
есть нежная хрупкость птенечья:
Никого не спасти.
Только мужества это принять
Мне не нужно.
Дай сил мне противиться
этому вечно
И беречь всех, кто дороги мне,
до последнего дня.

* * *

Пустота моя, как щенок юля,
В предрассветной исчезнет мгле.
Никогда не даришь ты мне себя,
Но меня возвращаешь мне.

А случись потом интереса для

Бог оставит меня одну —
За тебя обнимет меня земля,
Распахнув свою глубину.

* * *

Закушу одиночество
острою долькой луны.
Все дневные дела переделаны
и сочтены,
Утомление больно,
настырно стучится в висок.
В голове загорается медленно
сна колесо,

Выжигая сознание, бежит.
Я теряю момент,
Когда мысли последней
легко переломлен хребет,
И во мне воцаряется
та первородная мгла,
Что божественной силе
в себе обнаружить дала
Зародившийся свет.

Девяносто процентов она
Занимает во мне,
не имеет начала и дна.
Жизнь и память с себя,
как дорожную пыль, соскребая,
Каждый ею становится,
вновь обретая себя.